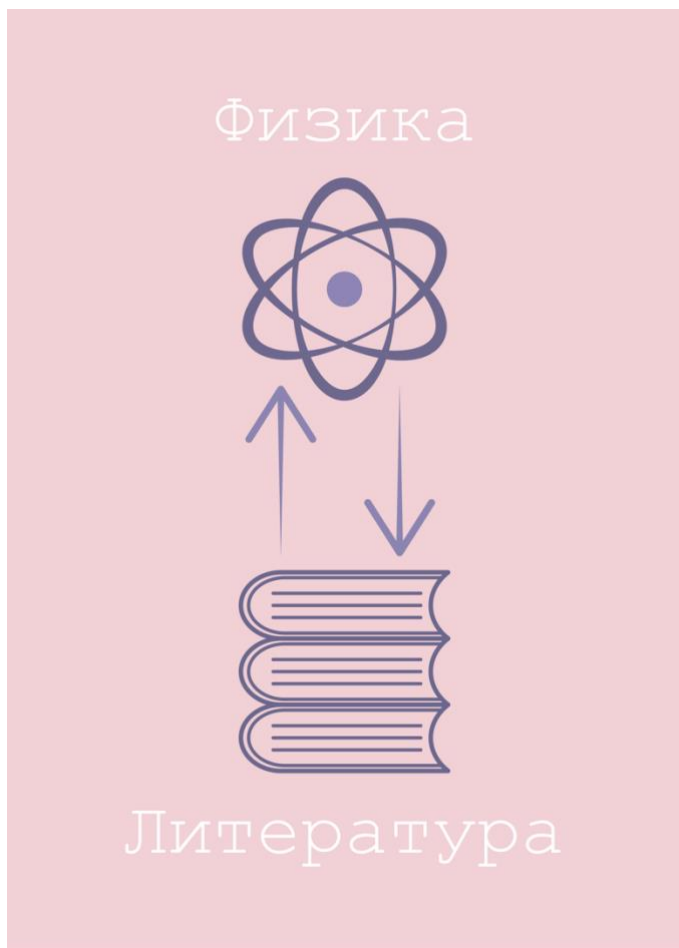


Влияние научно-технического прогресса на западноевропейскую и американскую литературу XIX века

Дана Паштова (образовательная программа «Прикладная культурология»)



Несомненно, искусство любого рода так или иначе является продуктом своей эпохи и среды, однако по объективным причинам в наибольшей степени это характерно для художественной литературы. В большинстве случаев прямое или косвенное влияние повседневности автора на его произведения очевидно, так как ни один порыв мысли не может обойтись без неких опорных точек, которые, как правило, определяются культурным багажом конкретного мыслителя. С этой точки зрения, особенный интерес представляет фантастическая литература с ее извечной склонностью к сотворению новых реальностей, так как именно в этом случае у исследователя появляется возможность

проследить за тем, как «реальная реальность», окружавшая автора в процессе творчества, определяет «новую», обретающую жизнь на страницах произведения. В истории литературы Америки и западной Европы одной из эпох, наиболее известных бесчисленными попытками конструирования новых (в т.ч. предполагаемых будущих) реальностей, является XIX век, однако по какой причине? Какими специфическими чертами обладает фантастическая литература данного периода и какие исторические события способствовали их оформлению?

«Западный» XIX век в целом известен своим интересом к науке, ему довелось стать эпохой важнейших прорывов в самых разных областях знания, буквально потрясших умы современников и в дальнейшем навсегда изменивших ход истории. Среди них можно

Влияние научного прогресса на западноевропейскую и американскую литературу XIX в.

выделить такие открытия и изобретения, как: электромагнитные волны, электродвигатели, принципы беспроводной передачи информации, а также важнейшие достижения астрофизики. Естественно, наступившая новая эра не могла не волновать лучшие умы человечества, что спровоцировало рождение и бурный расцвет определенных литературных жанров, сюжетов и приемов, ныне считающихся классическими.

Интерес к различным, в том числе физическим и астрофизическим научным явлениям, опытам, экспериментам, в какой-то мере даже непрофессиональным, в западном мире XIX в. носил своеобразный характер, отличающийся самыми невероятными ожиданиями от дальнейшего научно-технического прогресса. Среди таких чаяний можно назвать надежды на овладение секретами воскрешения мертвых, путешествий во времени, искусственного создания жизни и т.д. Рассмотрим некоторые примеры литературных произведений, демонстрирующих подобные ожидания.

Говоря о научной фантастике в литературе XIX в., невозможно не упомянуть культовой работы, определившей последующие законы развития многих жанров как письменного, так и кинематографического искусства. Роман Мэри Годвин-Шелли «Франкенштейн, или современный Прометей» (1818) стал апофеозом изображения всеисильности научного знания в литературе, причем речь в данном случае идет в первую очередь о физике, так как в основе «оживления» доктором Франкенштейном своего творения лежит принцип гальванизма – искусственного сокращения мышц под действием электрического тока. Данное физическое явление было овеяно многочисленными легендами и не менее многочисленными футуристическими надеждами. Замысел и первые наброски романа родились под впечатлением от нескончаемых бесед об экспериментах Эразма Дарвина и Луиджи Гальвани, которые велись в кругу Мэри и Перси Шелли, Уильяма Полидори, Клэр Клэрмонт и Джорджа Байрона, на вилле которого, как известно, компания проводила дождливое лето 1816 г. Кроме очевидной этической проблемы – попытки человека самому стать Творцом и его неспособности справиться с последствиями такой попытки – в романе также ясно обозначены ожидания, возлагаемые человеком того времени на научный прогресс, вплоть до мечты о победе над смертью.

Похожий мотив встречается в более поздней работе того же периода, небольшой

Влияние научного прогресса на западноевропейскую и американскую литературу XIX в.

сатирической новелле Эдгара По «Человек, которого изрубили в куски» (1839), главный герой которой, подобно чудовищу Франкенштейна, собран гениальными учеными из отдельных частей тел, однако данное произведение, в противовес «Франкенштейну» откровенно абсурдистское, заставляет героя каждое утро собирать себя заново с помощью старого слуги. По откровенно иронизирует над повальным восхищением наукой и над ожиданием от нее чудес, настроениями, царившими среди его окружения, хотя сам иной раз грешит тем же. К примеру, сюжету, завязанному на вопросе о возможности победы науки над смертью, посвящена новелла По «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром» (1845), в которой речь снова идет о псевдонаучном, находящемся на грани здравого смысла, но все же успешном эксперименте, на этот раз связанном с месмеризацией/месмеризмом – паранаучной теорией немецкого врача Франца Месмера об особых флюидах, которыми могут обмениваться живые существа. Данная теория пользовалась огромной популярностью в различных кругах общества XVIII-XIX вв., как и связанные с ней практики введения в транс, сеанс которого и описывается в «Правде о том, что случилось с мистером Вальдемаром», причем литературный эффект новеллы усиливается еще одной деталью сюжета – мистер Вальдемар вводится в транс за несколько мгновений до смерти с целью оценки эффекта, который может иметь месмеризация в подобном случае.

Еще подробнее интерес По к физике как к потенциальному орудью победы над законами природы раскрывается в его других коротких рассказах. Например, новелла «Преждевременное погребение» (1844) более чем наполовину состоит из рассуждений автора о другом популярном в то время физическом явлении, уже упомянутом выше, к которому и сам он испытывал огромный интерес – о гальванизме. По описывает в «Преждевременном погребении» множество случаев слишком поспешного захоронения еще живых, но находящихся в той или иной форме анабиоза людей, которые ввиду разного рода обстоятельств были эксгумированы, а затем возвращены к жизни воздействием гальванических разрядов. Кстати, одной из наиболее распространенных причин такого рода эксгумации является похищение свежезахороненных тел из могил для научных опытов, элемент сюжета, встречающийся в большом количестве самых разных литературных произведений той эпохи – от «Приключений Тома Сойера» Марка Твена до «Похитителя

Влияние научного прогресса на западноевропейскую и американскую литературу XIX в.

трупов» Роберта Льюиса Стивенсона. Гальванизм также прямо или косвенно упоминается во многих других новеллах По: «Вильям Вильсон» (1839), «Лигейя» (1838), «Разговор с мумией» (1845), «Золотой жук» (1843) и т.д. Во многих из них гальванизм не является центральной деталью сюжета, на первый план выходят вполне официальные, не паранаучные знания и опыт в области физики, которые помогают главным героям отыскать спрятанные сокровища («Золотой жук»), увериться в собственном душевном здоровье («Сфинкс», 1846), спастись от смерти в жерле огромного водоворота («Низвержение в Мальстрем», 1841).

Другие примеры абсурдистского изложения принципов и законов физики в произведениях По – каноничные «Необыкновенное приключение некоего Ганса Пфааля» (1835) и «Небывалый аэростат» (1844). В них По также откровенно издевается над восторженным обществом своего времени, одержимым «прогрессивными» идеями, которые на поверку оказываются грандиозными мистификациями (так, история Ганса Пфааля основана на знаменитом «Большом лунном надувательстве» – серии псевдонаучных журналистских очерков 1835 г. об открытии жизни на Луне, всерьез воспринятых широкой общественностью). Кроме того, По также создает трилогию философских постапокалиптических рассказов, сюжетную основу которых составляют астрономические явления, а также физическая сущность человеческих эмоций и воспоминаний и возможность их сохранения в той форме, в которой представлял это По – «Беседа Моноса и Уны» (1923), «Разговор Эйроса и Хармионы» (1839) и «Могущество слов» (1845).

Еще одним примером литературного произведения, построенного на «невозможном», но успешном физическом опыте, может послужить малоизвестная повесть Артура Конан Дойла «Открытие Рафлза Хоу» (1891), речь в которой идет об успешном создании главным героем мифического философского камня (процесс подробно описан в тексте произведения, за исключением последнего, самого важного шага), в связи с чем он сталкивается с традиционной для фигуры ученого в научно-фантастической литературе XIX в. дилеммой – может ли гений найти в себе силы справиться с последствиями своей гениальности (Рафлз Хоу таких сил не находит). Артур Конан Дойл – автор еще нескольких научно-фантастических произведений («Ужас высот», «Необычайный эксперимент в Кайнплатце», «Маракотова бездна»), а также ряда приключенческих циклов, пьес и военных хроник, к сожалению,

Влияние научного прогресса на западноевропейскую и американскую литературу XIX в.

известен читателю только как создатель Шерлока Холмса и Доктора Ватсона, хотя его работы, посвященные потенциальному развитию научного прогресса, очень интересны. Примерно такая же судьба постигла Марка Твена, известного в первую очередь в качестве писателя-юмориста, хотя его литературно-философские работы (часто незаконченные) тоже так или иначе связанные с паранаукой, физикой и астрономией, поражают воображение – «Путешествие капитана Стормфилда в рай» (разоблачение гелиоцентрической модели вселенной), «Три тысячи лет среди микробов» (отказ от антропоцентризма в философии) и т.д.

Даже в тех произведениях XIX в., которые можно скорее отнести к жанру фэнтези, нежели научной фантастики, завязка и/или кульминация действия часто строится на некой физической аномалии или неудачном научном эксперименте. Например, главный герой романа «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура» (1889), в результате своего вынужденного путешествия во времени (кстати, одного из первых путешествий во времени, описанных в западной авторской литературе) оказавшийся в феодальной Англии VI в., разворачивает лихорадочную деятельность, направленную на то, чтобы приблизить новые условия своего существования к привычной ему обстановке индустриальной Америки. Опираясь на свои познания в науке, главным образом в физике, он организывает строительство громоотводов, телеграфов, телефонных станций, заново изобретает велосипед, динамит, огнестрельное оружие и т.д. Другим примером может послужить классическая готическая повесть уже упомянутого выше шотландского писателя Роберта Льюиса Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1885), в основе конфликта которой также лежит неудавшийся научный опыт, в данном случае приведший исследователя к радикальному раздвоению личности.

Отдельным типом ожиданий научной фантастики XIX в. от будущего является описание фантастических, совершенных, но сконструированных без каких-либо элементов сверхъестественного механизмов, например, таких, как подводный корабль Наутилус, фигурирующий в романах Жюль Верна «Двадцать тысяч лье под водой» (1869) и «Таинственный остров» (1875), демонстрирующий невероятные технические характеристики. «Двадцать тысяч лье под водой» содержит подробнейшие описания как внешнего, так и внутреннего устройства корабля, представляющие собой настолько совершенный механизм,

Влияние научного прогресса на западноевропейскую и американскую литературу XIX в.

что вымышленный Наутилус становится олицетворением и символом технического прогресса, причем эта аура сохраняется вплоть до наших дней, а само название корабля становится излюбленным именем для новых механизмов любого типа, от подводных лодок до компьютеров. Стоит заметить, что в финале «Двадцать тысяч лье под водой» Наутилус попадает в тот же чудовищный водоворот, что и безымянный герой новеллы Эдгара По – Мальстрем, однако, как выясняется в «Таинственном острове», успешно выбирается из него.

Другим примером научной фантастики рассматриваемого периода без примеси мистики могут послужить уникальные работы Герберта Уэллса «Машина времени» (1895), «Человек-невидимка» (1897), «Война миров» (1897), ставшие образцом и источником вдохновения для всех последующих поколений фантастов. Их сюжетные линии также строятся на ожиданиях и во многом пророческих предвосхищениях будущих открытий.

Таким образом, принимая во внимание все рассмотренные выше примеры, можно прийти к заключению, что демонстрируемый западной литературой XIX в. огромный интерес к науке в целом, научному знанию и различным способам овладения им является закономерным следствием научно-технического прорыва, характерного для рассматриваемой эпохи. С ним же, точнее, с его головокружительной быстротой, связано бесчисленное разнообразие футуристических мотивов в художественной литературе и восторженное ожидание все новых и новых чудес от дальнейшего течения этого процесса. При этом надежды разных авторов, равно как их представления о будущем, сильно варьируются в зависимости от отдельных вопросов, волнующих каждого из них. Несомненно одно – научно-технический прогресс оказал громадное влияние на западную литературную традицию XIX в., заложив основы новых литературных жанров с их сюжетными поворотами, типами персонажей, локациями и другими элементами повествования, которые в дальнейшем стали классическими и в какой-то мере интертекстуальными, причем эти тенденции в той или иной мере сохраняются и поныне.

Библиография

Верн Ж. Двадцать тысяч лье под водой. М.: Азбука-Аттикус, 2019.

Верн Ж. Таинственный остров. М.: Азбука-Аттикус, 2019.

Conan Doyle A. The Doings of Raffles Haw. Зарубежная классика, 2014.

Влияние научного прогресса на западноевропейскую и американскую литературу XIX в.

Poe E. Tales of Mystery and Imagination. Harper Press, 2011.

Shelley M. Frankenstein: or, The Modern Prometheus. Macmillan Heinemann English Language Teaching, 2005.

Stevenson R.L. The Selected Works. М.: Прогресс, 1978.